

Из цикла "Стихи к Пуденции".

Краткое объяснение.

Я слишком долго знал Викентия Стогофеева, чтобы не ведать о разнокапировости его литературных проявлений: он пишет стихи, статьи, пьесы, прозу. И большинству его произведений свойственны фантасмагоричность, гротеск, ирония, трагическая фарсовость, буффонада, сарказм, эскапизм. Правда, в стихах эти качества проявлены менее отчетливо.

Теперь о цикле "Стихи к Пуденции". В конце августа 1984 г., возвратясь мыслями к своему большому мелодраматическому фарсу "Волчица", В. Стогофеев в течение трех дней написал около шестидесяти восьмистиший, обращенных к Пуденции — одной из героинь "Волчицы". Пуденция — хозяйка древнеримского лупанара, женщина колоритная и многоликая. В возникновении ее образа немалую роль сыграли некоторые черты характера и факты бытия нашей современницы, правда, в пьесе они сильно преобразены; так наша современница не имела отношения к лупанару или к чему-либо подобному. Впрочем, как и всегда, нет смысла отождествлять реальную личность с героем литературного произведения. Я и упомянул-то об этом лишь по той причине, что в цикле акrostихов в адрес Пуденции переплелись Древний Рим с современным Ленинградом и с почти столь же современной деревней. Остается добавить лишь два разъяснения. В строчках:

"Пикирует ястреб на кур перед храмом избу."

Успел я увидеть, что склеваны зерна прилежно." — имеется в виду обычай римских жрецов производить гадания, в частности, по полету птиц и по тому, насколько быстро,

жадно и добротю кури склевали предложенные им зерна. В заключительном стихотворении под цезарем подразумевается Калигула. Должен напомнить, что в императорском Риме все императоры, начиная с Августа, носили звание цезаря. Вот и все, что хотел я сказать. Уступаю дорогу Викентию Стогофееву.

Е.Ф.

х х х

Я вровень со временем где-то в пространстве повис,
Или время, со мною на пару, над бездной дрожит.
Центрифуга, вращаясь, вибрируя, падает вниз,
Но пространство бездонно, а бездна влечет, как магнит.
Ей — жадничать, нам — повисать на краю,
Дивясь мирозданью, давясь от испуга.
Усвоим же мудрость, увидев планиду свою,
Пока, словно в виттовой пляске, дрожит центрифуга.

х х х

Примираю себя с неким пасынком злого числа,
Удивляюсь дему, видя в зеркале гнусную року.
Дальше — хуже. Куда меня жизнь занесла? —
Едва отдышавшись, вопросом себя огоршу.
Научился пророчить и зверам голодным рычу.
Цепляясь когтями тоски за незримые звенья
Иронии блудной, спускаюсь в сей мир по лучу
И вижу в итоге тцету примиренья.

х х х

Певчая птица — двуногая жалкая тварь
Улиц не видит и неба не узрит сквозь темень.
Долго дремала и долго чирикала встарь.
Ей и теперь чья-то музыка тикает в темя.

Не опознать: может, Бах, может, Глюк.
Церковь звонко звучит за громоздким театром балета,
Извлекая из сердца щемящий и тягостный звук
Исчезающим эхом давно отмерцавшего света.

х х х

Пусть оприходуется некий немой счетовод
Утренний вздох мой по поводу Вашей пропажи,
Деревянными смычками проведи по линейке нот,
Едва не запачкав свой локоть щепоткою сажин.
Над чем замечтался прохожий на дальнем углу?
Цитирует Вас или давнего Пушкина всеу?
Идет очень медленный дождь, удаляясь во мглу,
Итоговый абрис судьбы на асфальте рисуя.

х х х

Попутчицей Вашей была темнота.
Упорно строчили сверчки по округе,
Держа автоматы у живота.
Едва не тряслась вся округа в испуге.
Ничем не унять, ни о чем не спросить.
Цветы ленточками трясла над дугами.
Итог Ваших странствий тянулся, как нить,
Из прошлого — в завтра, вдогонку за Вами.

х х х

Перенимаю Ваши привычки: вирикаю в грибную суть.
Успех побивать и свамо, и семо.
Достиг и того, и другого, и тронулся в путь,
Еще не решив, где жевать буду свежее сено.
Начну по-коровьи мычать и по-зичьи бодаться,
Целуя губами то пруттик, то сочный листок
И думая всеу: куда бы еще мне податься?
Итог неизвестен. Он воткнут иголкой в стог.

х х х

Приношение в горсти — клюквы кислая суть.
Узнаю твои козни, лукавая дева,
Двусторонняя, с Янусом схожая слева,
Если в тиканье вслушаться, к сердцу прильнуть.

Наши ходики бродят вне времени, без пастуха.
Циркуль вечности круг превращает в спираль,
Извлекая квадратную правду из горла стиха,
Истекая пролиней кислой....

х х х

Преобразилась окрестность: в лесу объявился гризник.
Уходит в чащобу горбатое диво.
Дорога петляет, плутует, заводит в тупик.
Бе у болота встречает прелестница — ива.

Начес до бровей да жучок возле горла, как брошь:
Цыганка — и только, да, жаль, не гадает.
И ты, если бродишь, и бредишь, и клюкву берешь,
Исхода не бойся: тебя ее взгляд провожает.

х х х

Пуденция, Вам ли пенять на поэта?
Уйдите с дороги, не спорьте со мной.
Дверную дыру заслоняя от света,
Едва ли дождетесь плениды мной.
Ну стоит ли спорить? Чадит Ваша печка,
Цепочка с брелоком дрожит на груди,
И блещет за окнами тихая речка —
Источник всего, что Вас ждет впереди.

х х х

Ярмарка ягод, грибная толкучка в лесу.
Иго Пуденции ныне над ними довлеет.
Царствуй же, дева! Баран вроде ангела блещет.
Нет меня с вами: я козочку — музу пасу.

Ей все шалить бы, все лезть бы в чужой огород!
Держу на веревочке, дергаю, лесково глажу.
Ухом она не ведет! Я приставаю к ней стражу —
Память свою. Неужели она подведет?

х х х

Промисел божий — твоя травяная постель.
Уловлена в сети, лежи непреложно.
Дыши фимиамом, и судись, что село на мель,
Блосить не смей по земле: опрокинуться можно.
Но с чем я сравню мотылька над девическим лбом?
Целует Амур целомудренно вечность в уста.
И падает навзничь под острым и круглым углом,
Иронии тень на русалку роняя с куста.

х х х

Пытку добром, Немезида мести,
Удали от меня, да не соблазнюсь.
Дай постареть мне лет на двести,
Если сам о кочку не споткнусь.

Неужели бог превысок смету?
Цирк созвездий вертит хула-хун,
Из пространства новую планету
Извлекает, как слова из губ.

х х х

Пикирует ястреб на кур перед храмом избу.
Успел я увидеть, что склеваны зерна прилежно.
Давай, поразмыслим над кознями нешей судьбы.
Есть некий предел. Мы достигнем его неизбежно.
Надежд не питаю. Правитель по-прежнему прав.
Цитатами всею наполнит он слух, услаждая
Истца — имарека, что спрятал свой ножик в рукав
И храмы обходит, над будущей жертвой рыдая.

х х х

Истово молит Пуденция счастья у бога,
Истину горькой не зная, не ведая зла.
Цезарь — не аист. На цаплю похож он немного:
Ноги его долговязи. Таким его мать родила.

Если имеет значение подобное сходство,
Даже лягушка его испугаться должна.
Уانيк уродства утратил свое благородство.
Путник, молись! Здесь Пуденция погребена.

.....